

Хиконе был озадачен жутким Банкаем Хисаги; тем не менее он не колебался, несмотря на то, что не понял причину происходящего. Цепи сжимались вокруг него, как будто сама цепь была клинком.

Прежде чем приступить к дальнейшему наступлению, Хиконе продолжил атаку, чтобы переломить ситуацию. Поскольку у Хиконе не было никакой другой альтернативы, он пошел на Хисаги со всем, что имел.

Думая, что он может полностью уничтожить Хисаги, Хиконе выстрелил мощным серо, надеясь уничтожить все тело Хисаги. Когда свет погас, Хисаги был еще жив и цел.

Затем он вытянул свой Блут за пределы тела и попытался захватить нервы Хисаги, но он был защищен цепями, выходящими из пальца Хисаги.

Если это так, то возможно было бы лучше уничтожить этот огромный черный шар. Резкая и узкая вспышка серо была произведена вертикально вверх.

Сфера, которая была разделена на две части, немедленно преобразовалась, поскольку цепи вернули два сломанных полушария в их прежнюю форму.

-Также как тело Хисаги-сана?

-Банкай, который дарует бессмертие ...?

Нет, это невозможно. Токинада-сама также говорил, что такого не бывает .

Таких случаев в прошлом не было. Айзен был бессмертен, а его плоть просто неуязвима. Однако это не было чем-то, что могло даровать его занпакто ему; это было влияние Хогъеку . Даже с учетом того, что Банкай может похвастаться непревзойденной властью, всегда должна существовать оправданная слабость, как если бы он уравнивал соответствующую силу.

В случае с «Зангецу » это были огромные расходы реяцу. В случае с "Сенбозакурой" это была безопасная зона. В случае с «Нозараши » это был сверхъестественная нагрузка на тело пользователя. В случае с «Катен Къёкоцу » это был риск вовлечения других людей и распределения ран. Даже в шикае «Къёка Суйгецу » слабость заключается в предотвращении его абсолютного гипноза.

Следовательно, в этом казалось бы, непобедимом банкае «Казешини» должна быть некоторая слабость. Хиконе продолжал усиливать свою наступательную тактику, чтобы узнать секрет, но ...

Цепи, обернутые вокруг его шеи, не могли быть сломаны, что бы он ни пытался. Если он попытался покинуть это место, чтобы попытаться уйти от Хисаги на определенное расстояние, новые цепи были обвиты вокруг его шеи слоями и насильно потянули его обратно под «черное солнце».

«Что это за земля? Эта твоя сила ... Если ты обладаешь такой силой, то почему ты не атакуешь меня ...?»

Улыбка, символизирующая невинность, с удивлением ускользнула от лица Хиконе. Хиконе выглядел недовольным; вопрос невольно покинул его речь . Хисаги бесстрастно ответил:

«Нет, я не могу тебя порезать. Вот, понимаешь?»

В следующий момент Хисаги отпустил лезвия, которые он держал в руках; двойные лезвия исчезли, словно просачиваясь в землю в виде тени. Хиконе не был уверен, что произошло, но когда он заметил это, он почувствовал что стоит прямо на вершине тени. Новая цепь была запутана вокруг руки Хиконе, вонзаясь в кожу с огромной силой. Поверхность каждого кольца-цепочки превратилась в тонкий клинок и пронзила руку Хиконе. Он сильно отличался от ударов мечом Кенпачи, но тем не менее, он беспрерывно резал одну и ту же часть непрерывно, как цепная пила, мгновенно отрывая руку Хиконе.

"Ааах Хм?"

Но затем Хиконе кое-что заметил. Дело в том, что отрубленная рука уже вернулась в исходное состояние.

Сначала Хиконе думал, что у него галлюцинации, но мгновенная боль казалась слишком реальной, чтобы быть иллюзией. Именно тогда Хиконе понял.

Хисаги был не единственным. Хиконе тоже стал таким же, как Хисаги. Его тело стало неразрушимым.

"Ни за что..."

«Конечно, было бы лучше, если бы я мог победить своих противников такими яркими банками, как у Куросаки или капитана Хицугаи. Но я плохо приспособлен для таких вещей».

Хисаги продолжил, говоря в самоуничижение:

«В конце концов, это совсем не мой стиль. Я сам боюсь смерти и боюсь убивать других, особенно после того, как убил капитана Тоусена. И в результате этот Банкай стал таким требовательным».

Говорят, что Банкай - это зеркало, которое отражает сердце и разум пользователя, вытягивая их истинную сущность, которая спала внутри них. Как только дух занпакто и сердце пользователя объединяются, расцветает банкай.

Так в какую форму пришла душа Хисаги?

Это была другая форма страха, которая полностью изменила страх, который он так долго держал.

Если шикай Казешини предполагает пожирать и распространять поток жизней в мире, то Банкай включает в себя цепь печатей, которые останавливают поток жизни и заставляют мир. Он запирает все, запрещает смерть, запрещает жизнь; «Черное солнце» связывает даже потоки рейши в атмосфере.

Поэтому Казешини заманивает мир в ловушку, где нет циркуляции; ни регрессия, ни эволюция. По иронии судьбы этот сценарий, который вызывает застой жизни, является точно таким же миром, в котором нет границы между жизнью и смертью.

Это напоминало ту самую форму мира, которая существовала до рождения Сообщества Душ.

"Тогда ... и я и ты, Хисаги-сан, никогда не умрем ...? Что это значит, Хисаги-сан?"

«Конечно, это не на вечность. Если ты продолжишь рубить меня, я когда-нибудь умру».

Хисаги, который произнес эти слова легким и непринужденным тоном, Хиконе ответил, наклонив голову:

«... Почему ты мне это говоришь ? Тогда я должен продолжать нападать на тебя, пока ты не умрешь?»

Хотя он все еще не понимал смысл слов Хисаги и то, что он пытался научить Хиконе преодолеть, Хиконе поставил этот вопрос.

Ответ был довольно прост.

«Да, после этого я умру. Но ты тоже».

"...?"

Именно тогда Хиконе заметил. Он вырубил Хисаги больше раз, чем мог сосчитать, но из-за этого его собственное реяцу немного уменьшилось .

"Нечто подобное не может ... Почему?"

Хиконе проверил свое реякаку, оторвав руку для подтверждения. Когда он сразу же возродился, он получил подтверждение, что реяцу, необходимое для этой регенерации, поступало через цепи. Затем Хиконе выстрелил из серо в Хисаги . Как и ожидалось, Хисаги выздоровел сразу, но в этот момент Хиконе почувствовал утечку реяцу из своего тела.

Его реяцу накапливалась в цепях и накапливалась в «черном солнце» над головой. Предположительно, большое количество реяцу хранилось в сфере, состоящей из цепей и это реяцу использовалось чтобы вернуть раненого в первоначальное состояние.

Рейцу всех тех, кто живет через цепь и связан с «черным солнцем», усредняется.

Другими словами, до тех пор, пока Хиконе продолжает рубить Хисаги, раны Хисаги будут исцелены от использования реяцу как Хиконе, так и Хисаги. Наоборот; то же самое случилось бы, если бы Хисаги попытался ранить Хиконе.

Хиконе наконец понял суть этого банка. Это была система, которая могла возникнуть только при наличии веры и уверенности в окружающих. В настоящее время они оба были неуязвимы, но в случае, если цепь банка оборвется, когда они оба будут ослаблены до предела , альтернативное решение будет под рукой. Поблизости были третьи лица, не связанные с цепью, такие как Кенпачи и Кьёраку . Поскольку они были на стороне Хисаги, любой враг Хисаги мог быть легко побежден его товарищами, как только Хисаги пожертвовал собой. Враг непременно побежден, но ценой жизни хозяина этого банка . Но это может быть давним желанием настоящего Шинигами.

Тот факт, что поблизости находились союзники, отличался от предпосылки этой способности, но Хиконе сделал из этого несколько других выводов. Прежде всего, раны Хисаги восстанавливались, но раны которые были до последнего развития Хисаги с Казешини, не были излечены. Другими словами, цепи и «черное солнце» не полностью излечивают все раны, а скорее возвращают человека в состояние, в котором он находился перед активацией этой способности. Если бы это было не так, то цепи могли быть связаны с другими ранеными, такими как Аура и для этого могло бы быть использовано реяцу Хиконе чтобы помочь им восстановиться. И с этой мыслью Хиконе предложил нерешительный вариант преодоления этой ситуации.

"Хисаги-сан, эта способность ... не могли бы вы отменить ее ?"

"Как вы думаете, я буду?"

«Пока ты не избавишься от этого... тебе будет больно, Хисаги-сан».

".... Ну, да ... Так что, казалось бы ... Я готов."

Боль не исчезает. Агония не уходит.

Если это так, то нет другого выбора, кроме как пытаться Хисаги и заставить его чувствовать боль, чтобы он вынужден был отменить свой Банкай. Хиконе, который так думал, столкнулся с Хисаги с серьезным выражением, но ...

- Я должен причинить ему много боли ...

-Но как?

-Даже когда его разрезали на две части, он встал, так как я должен причинить ему боль больше?

Если бы в этой ситуации оказался скорее Токинада, чем Хиконе, он бы подумал о методах пыток, которые причиняли бы боль в сто раз больше, чем удар и он бы с радостью выполнил их. Но Хиконе не знал таких приемов. Токинада попросил Хиконе просто уничтожить врага; только то. Хиконе был неспособен думать самостоятельно. То, что было неизвестно Хиконе, было названо «актом умственного мучения противника». Таким образом, Хиконе, теперь решивший, мог вернуться к тому чтобы ранить Хисаги из всех сил.

"Мне жаль."

Сказав это, Хиконе порезал Хисаги.

Удивительно, но Хисаги не оказал абсолютно никакого сопротивления. Если бы он захотел, он мог бы отрезать руки и ноги Хиконе, используя цепи, как прежде. Он был способен манипулировать цепями кончиками пальцев, но он этого не делал. Он также мог легко запечатлеть движения Хиконе, но не сделал этого. Конечно, он мог бы все это сделать, но Хисаги абсолютно ничего не делал.

"Мне жаль."

При ударе от неестественной физической силы Хиконе вонзается в плоть, ломаются ребра и разрываются внутренние органы. Несмотря на то, что раны Хисаги немедленно восстановились, если это продолжалось в течение длительного времени, возможно, что это может превратиться в мучительную боль, которая превосходит нормальные раны.

И все же Хисаги встал; даже после этого.

-Я не понимаю.

-Почему этот человек по имени Хисаги Шухей продолжает вставать независимо от того, сколько раз я его убиваю?

"Пожалуйста, прости меня."

Хиконе снова взмахнул мечом, произнося эти слова Хисаги. Хисаги немного рассмеялся.

«Если вы собираетесь продолжать извиняться, то не делайте этого в первую очередь. Страдание не совсем мое любимое хобби, вы знаете».

"Но ... это ради Токинада-сама ..."

"Итак ... тот факт, что ты делаешь мне больно ... Собираешься ли ты возложить вину за это на Токинаду?"

"... Что ?"

Рука Хиконе остановилась . Он был явно расстроен.

«Вы знаете, что « неправильно » ранить того, кто не сопротивляется, верно?»

"Это..."

Хиконе ни разу не подвергал сомнению или тщательному изучению приказы Токинады о причинении вреда или убийстве кого-либо. Если ему сказали убить, он убил. Если ему велели жить, он жил. Добро и зло - все, что нужно судить Токинаде. Все враги Токинады должны быть уничтожены без колебаний. Но теперь все было иначе. Он должен был сам судить, что было хорошо, а что плохо. Ему было больно думать, что Токинада не здесь, чтобы сказать ему, что делать. Неохотно Хиконе пытался обдумать слова, которые он услышал. Впервые он думал сам, но фразы вроде «Есть ли какой-нибудь другой более легкий путь» продолжали плавать в его голове.

Как будто он мог видеть сквозь разум Хиконе, Хисаги сказал ему:

«У тебя есть чувство добра и зла внутри тебя. Когда ты видишь, что причиняешь мне боль, когда я даже не сопротивляюсь, ты чувствуешь что-то вроде этого, не так ли: « Я не хочу этого делать » ?»

"....."

«Или это означает, что когда вы говорите « ради Токинады-сама », вы фактически отталкиваете свой собственный грех и вместо этого навязываете его ему? Чтобы заставить себя чувствовать себя виноватым?»

"Нет, я ..."

Лицо Хиконе стало бледным и пепельным.

В том, что сделал Токинада, не было ничего плохого и хотя другие называли его злом, Токинада делал то, что было правильно для этого мира.

Это была вера Хиконе. Таким образом, Хиконе не мог вынести мысли, что «Токинада-сама зовется злом из-за моих собственных действий, которые являются неправильными».

«Почему ты говоришь такие ужасные вещи? Если это так, то что я должен делать?»

«Запрашивать у других ответ не имеет смысла. Этот мир не всегда будет добр к вам».

"Токинада-сама Токинада-сама ..."

Хиконе достал инструмент для общения и заговорил на нем; его голос дрожал, но ответа от Токинада не было.

"Нет, нет..."

Хисаги говорил об этом ребенке шинигами, который выглядел так, словно был на грани слез, в строгом, но в то же время внимательном тоне.

«Ты не плохой человек, Хиконе. Ты ничья марионетка, конечно же, не Токинады . Ты человек. Человек, который следует тому, что говорит ему его душа и идет своими ногами».

Затем Хисаги двинул одним из пальцев, контролируя часть цепи, вынимая две косы из тени на земле; тень от ранее.

«Ты не хочешь мучить кого-то, кто не сопротивляется, да? Тогда позволь мне быть твоим противником; кого-то, кого ты не будешь расстраивать из-за того, что рубишь».

"Э ...?"

«Я многому могу тебя научить. Так что начинай учиться».

Хотя Хиконе был намного сильнее его, Хисаги сказал это. Он указал клинком Казешини на Хиконе; тогда как Хиконе был смущен его словами.

«Не сдерживайся. Если бы я был врагом, я бы уже умер».

"...."

«Столкнувшись с врагом, всегда располагайте себя, чтобы иметь возможность отойти в сторону от атаки. Поэтому всегда делайте полшага назад».

Хисаги научил Хиконе тому же, что когда-то сказал ему Тоусен.

Чтобы больше не смущаться, не отвергать слова Хисаги и не допускать учений Хисаги в уме, Хиконе отбросил клинок Казешини и порезал Хисаги.

"AAAAAAAAAA! Заткнись, заткнись, заткнись!"

И снова тело Хисаги было восстановлено вскоре после этого. В ответ клинок Хисаги остановился прямо у шеи Хиконе и пробил сквозь него.

«Ах»

«Видишь? Теперь ты тоже мертв. Ты намного сильнее меня, не так ли? Но ты полон слабостей . Не оставляй таких пробелов в своей защите».

Хиконе мог быть вундеркиндом, когда дело дошло до битвы, но ему не хватало опыта. В свете этой уникальной ситуации, в которой возможно «не умереть, даже если человек убит», высокий уровень дисциплины Хисаги и ловкость его игры на мечях легко превзошли приемы Хиконе.

"Неправильно ... Ты ошибаешься ... Я стал сильнее ... чтобы быть полезным для Токинада-сама. Ради него ..."

«Это не то, что должно беспокоить вас. В жизни есть множество других вещей, которых вы должны бояться и это не одна из них. Страх - единственное, чего вам не хватает».

"Нет, нет, нет ааааааах ааааааааааах ... ааааааааааах"

Хиконе выглядел так, словно собирался заплакать, пытаясь отбросить слова Хисаги. Он продолжал кричать и неоднократно откалывал тело Хисаги, как будто в слепой ярости.

Однако каждый раз, когда Хисаги переносил боль, он продолжал указывать кончиком своего лезвия на жизненно важные точки Хиконе: горло, сердце, глаза; бесчисленное количество раз. Это повторялось снова и снова.

Эта битва выглядела так, как будто взрослый шинигами обучал ребенка, так как он жаждал смерти.

Вспоминая, как он плакал в детстве, когда на него напал пустой , Хисаги продолжал вбивать в голову Хиконе свой совет о страхе и своих учениях, в то время как Хиконе ранил его снова и снова.

Аура, которая терпя боль, остановила падение воздушного замка, посмотрела на обмен, довольная.

Хисаги Шухей не был пророком и не был всемогущим и всезнающим.

Он не был таким знаменитым героем, как Куросаки Ичиги.

Он не был таким сильным, как Зараки Кенпачи.

Он не был таким мудрым, как Урахара Киске.

Он не был техническим гением, как Куроцучи Маюри.

Он не был рожден в знати, как Кучики Бьякуя.

Он не был вундеркиндом, как Хицугая Тоширо.

Он не был ветераном, как Ямамото Генрюсай.

Он не был таким харизматичным , как Кьёраку Шунсуй.

Он не был таким стойким, как Комамура Саджин.

Он не был таким своевольным, как Мугурума Кенсей. (меня за..... эти сравнения)

Но так и будет.

Что всегда будет освещать его путь в жизни, когда он шел по нему с достоинством «Шинигами»; это ценность «справедливости», которую Тоусен Канаме завещал ему.

Вот кем он был.

И этого было достаточно.

Возможно, ему удалось пережить повторение смерти, травму всего этого только потому, что он

шел по тому же пути праведности. После возрождения более чем тысячи смертей огромная боль, которая раньше была спорадической, теперь возвращалась, чаще чем когда-либо.

Хиконе тоже стоял на коленях. Казалось, что его реяцу, размером с Кенпачи, наконец достигла дна. Это также означало, что в то же время истощалось и реяцу Хисаги.

Перед Хиконе, стоящим на коленях, Хисаги стоял едва сдерживая себя и мягко произносил слова, которые он часто говорил себе как средство самодисциплины.

«Этот мир не является добрым местом. И все же, вы должны продолжать жить в этом недобром мире».

Вспоминая свое старое «я» и лицо единственного человека, который научил его как жить в таком мире, Хисаги теперь произнес слова, которые стали дополнением к этому чувству, слова, в которые он недавно поверил:

«И именно поэтому вы должны быть как можно более добрыми к окружающим людям. Приходите, давайте сделаем это вместе».

<http://tl.rulate.ru/book/86976/3319268>